

Наталья Александрова

Астролябия судьбы

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Астролябия судьбы

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Астролябия судьбы / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ», 2019 — (Роковой артефакт)

Согласно легенде, древний ученый Аль-Магриби изобрел удивительный прибор астролабон. С помощью его можно было не только определять точное астрономическое время и координаты небесных светил, но и переноситься во времени и пространстве. Современники Аль-Магриби отнеслись к удивительному прибору с понятным недоверием, а вскоре ученый исчез и о нем все забыли. Ведь трудно поверить в то, что не поддается разуму. Так думала и питерская домохозяйка Надежда Лебедева, пока не оказалась причастной к серии странных краж, которым поначалу не придавала значения. Однако когда в ее доме поселился странный жилец, изъясняющийся только цифрами, она поняла, что это ключ не только к преступлениям, но и к постижению тайного знания.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н. Н., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Наталья Александрова

Астролябия судьбы

– Откуда берется пыль? – горестно спросила Надежда.

Вопрос был риторический, поскольку в комнате, кроме нее, находился только рыжий кот, который спокойно умывался на диване. Надежда и не ждала от него ответа.

– Говорят, что из космоса, – вздохнула она, – говорят, что пыль – это частицы разрушенных миров, но что-то я не верю, чтобы в нашу квартиру она прямо из космоса попадала. Вчера только пылесосила – и вот опять. Да еще шерсть...

Кот правильно понял насчет шерсти и тут же посмотрел из-под лапы с легким презрением – что ж ему, наголо обриться, что ли? Надежда присела рядом и почесала его за ухом, причем кот принял ласку неохотно и даже недовольно мурлыкнул – не вовремя твои приставания, не видишь, что кот делом занимается?

Надежда Николаевна Лебедева была неглупой и самокритичной, а одним из положительных ее качеств считалось умение посмотреть на себя со стороны. Что она и сделала сейчас, сидя на диване в собственной квартире. И увидела женщину, которой безумно скучно и неохота заниматься домашним хозяйством. Вот именно, вся эта неблагодарная работа ее достала. При чем давно.

Уже больше двух лет прошло, как Надежда уволилась из института, в котором проработала лет двадцать. Муж твердо и решительно заявил, чтобы она и не думала искать другую работу, мол, он неплохо зарабатывает и вполне в состоянии создать приемлемые условия для любимой жены и любимого кота.

Так получилось, что жили супруги Лебедевы сейчас вдвоем, дети, у которых были уже свои дети, проживали отдельно. Надежда не сразу согласилась с Сан Санычем, но муж был настойчив. И вроде бы все шло неплохо, свободного времени у Надежды оставалось мало, поскольку нужно было то в парикмахерскую, то по магазинам, то родственникам помочь, но оказалось, что совершенно нечем занять голову.

А голова – это такой орган, что если она не работает, то мысли в ней возникают совершенно ненужные. Так и у Надежды появились мысли, что она – никчемный человек, придаток к пылесосу и стиральной машине, что все знакомые смотрят на нее свысока, потому как они заняты серьезным делом, и только Надежда совершенно не востребована, даже с внучкой Светланкой по музеям не ходит, так как внучка далеко. И отныне удел Надежды – это домашнее хозяйство, то есть уборка, готовка и так далее (см. выше).

В общем, глупые мысли, и тысячи женщин с удовольствием поменялись бы с ней местами, ведь не нужно думать о деньгах, тащиться каждое утро на опостылевшую работу, опасаться начальства... В моменты просветления Надежда и сама это понимала, но ничего не могла с собой поделать и, отчищая в который раз ковер от рыжей кошачьей шерсти, думала о своей никчемности.

Причем от природы она вовсе не была ленивой и, разумеется, квартиру содержала в порядке, и каждый вечер мужа ждал дома вкусный ужин, а каждое утро – свежевыглаженная рубашка, но, черт побери, как же все это ей надоело!

Кот закончил умываться, потоптался немного на диване, устраиваясь поудобнее, и сладко заснул.

– Ох, Бейсик, мне бы твои заботы! – вздохнула Надежда.

И снова расстроилась – ведь дала себе слово не вздыхать и не охать, она была твердо убеждена, что возраст прибавляет не лишняя морщинка, а нытье, жалобы на жизнь и мрачное выражение на лице. Поэтому она решила пройтись, а заодно купить в пекарне на углу свежего хлеба. Возможно, что пыль за это время сама осядет.

На улице сегодня было тепло – вторая половина апреля, снег давно стоял, травка на газонах зеленая, только деревья еще стоят голые. Надежда оделась попроще, но все же тщательно накрасила губы и причесалась.

У подъезда никого не было, так что Надежда, не задерживаясь, миновала детскую площадку, затем свернула на узкую асфальтовую дорожку. Сквер не сквер, но несколько деревьев, кустики и пара скамеек. На одной кто-то сидел. Ах да, это новый жилец, тот самый инвалид с сиделкой. Надежда была с ними незнакома, так что, проходя мимо, слегка кивнула, и тут женщина ее окликнула:

– Простите...

– Да? – против воли Надежда замедлила шаг.

– Вас ведь Надежда зовут? – несмело спросила женщина. – Простите, не знаю вашего отчества.

– Можно без отчества... – машинально ответила Надежда.

– Я вас в подъезде видела, – женщина заговорила бодрее, – мы наверху, на девятом этаже, в двухкомнатной...

– Я знаю, – кивнула Надежда, – вы недавно въехали.

– Ага, я Вера, а это... это Виталий Андреевич. – Вера повернулась к своему подопечному, который безучастно смотрел прямо перед собой. – Надя, у меня к вам просьба. Пожалуйста, посидите здесь на лавочке минут десять, а я в магазин сбегая. Понимаете, – заторопилась она, – мне только за молоком и сметаной. Там, в фермерском магазине, молоко разливное привозят под заказ. И если я не приду, его другим отдадут. И сметана там очень хорошая. А с ним идти... – она кивнула на Виталия Андреевича, – себе дорожке, он ходит медленно. Я вас очень прошу!

– Но он... – Надежда опасливо попятилась, – как бы это...

– Он не агрессивный совсем! – Вера замахала руками. – Будет тихонько сидеть, просто если его с собой вести, то люди шарахаются, опять же он плохо ходит... Надя, я вас очень прошу, всего десять минут, я только туда и обратно!

Сиделка совершенно правильно истолковала сомнение в Надежных глазах, подхватила хозяйственную сумку и убежала.

Надежда проводила женщину взглядом. Вот как мешает жить интеллигентность! Не умеет она говорить «нет». И из-за этого придется теперь сидеть с этим... как бы помягче выразиться... не совсем адекватным человеком. К счастью, он хотя бы не агрессивен... ну ладно, надо все же помогать людям...

Хотя кто сказал, что он спокойный? Надежда эту Веру знать не знает, может, она и соврала. И вообще, чем он болен-то? Вдруг припадочный, и если сейчас хлопнется на дорожку и начнет корчиться, Надежда и понятия не имеет, что будет делать. А вдруг Вера не вернется? Подсунула ей инвалида, а сама сбежала. И Надежда тоже хороша, хоть бы номер телефона у нее спросила.

Надежда взглянула на Виталия Андреевича. Выглядел он не очень. Болезненно худой, так что одежда висела на нем, как на вешалке. Однако одежда чистая, аккуратная, так что Вера, видимо, не зря свои деньги получает. Волосы чуть растрепаны, плохо подстрижены. Ну ясно, она сама его стрижет как придется. Зато выбрит довольно чисто и ногти подстрижены. Ну что ж, это ее работа.

Надежда посмотрела на часы, вздохнула, снова взглянула на Виталия Андреевича.

И сразу встретила его взгляд.

В этом взгляде не было ни горячего безумия, ни тупого безразличия. Напротив, в нем светился несомненный ум. Мужчина смотрел на Надежду Николаевну внимательно и озабоченно, губы его кривились, словно он хотел сказать ей что-то важное.

А потом он действительно заговорил – тихо, вполголоса, словно по секрету. Он говорил так тихо, что Надежда поначалу не расслышала его, она придвинулась, чтобы разобрать слова.

– Семь... восемь... девять... – проговорил Виталий Андреевич, как будто сообщил Надежде какую-то тайну.

– Что?! – удивленно переспросила Надежда.

– Десять! – ответил он взволнованно, как будто боялся, что она его не расслышит или неправильно поймет. – Одиннадцать! Двенадцать тридцать три!

При этом руки его взлетели в каком-то странном, беспокойном жесте, как будто он дирижировал невидимым оркестром.

– Не понимаю... – Надежда удивленно заморгала и на всякий случай немного отодвинулась.

Но Виталий Андреевич придвинулся ближе и снова заговорил, взволнованно и торопливо, как будто боялся не успеть:

– Тринадцать! Четырнадцать! Пятнадцать! Шестнадцать! Двенадцать тридцать три!

На этот раз Надежда промолчала – все равно ничего осмысленного от него не добьешься. Больной человек, этим все сказано. Она решила немного подыграть Виталию Андреевичу, чтобы он успокоился.

– Да, вы правы... – проговорила она мягким, успокаивающим голосом. – Вы совершенно правы, только не надо так волноваться. Успокойтесь, Вера скоро придет.

Он и правда немного успокоился, сложил руки на коленях, как прилежный ученик, и проговорил внушительно, твердо, как будто излагал символ веры:

– Семнадцать. Восемнадцать. Двенадцать тридцать три. Девятнадцать. Двадцать.

– Да где же Вера? Обещала всего на десять минут... – проговорила Надежда озабоченно и раздраженно и снова взглянула на часы, а потом огляделась по сторонам.

Ну прямо как чувствовала, что ничего хорошего из этого не выйдет... Надо все-таки проявлять твердость... надо научиться говорить «нет»...

А Виталий Андреевич снова потянулся к ней и доверительно прошептал в самое ухо:

– Двадцать один. Двадцать два. Двенадцать тридцать три.

И тут на дорожке показалась Вера. Она шла торопливо и была явно обеспокоена.

– Ну, как он? Прилично себя вел?

Надежда покосилась на Виталия Андреевича. Он ответил ей очень выразительным, осмысленным взглядом, причем Надежда была готова поклясться: этим взглядом он выражал надежду на то, что все им сказанное останется между ними. Казалось, Виталий Андреевич хочет поднести палец к губам, но руки не слушались, они жили самостоятельной, независимой от него жизнью. Он провел руками по брюкам, словно пытался собрать что-то мелкое, потом погладил скамейку, как будто она была одушевленным существом, потом потряс руками, избавляясь от налипшей на них невидимой паутины.

– Да, конечно... можете не беспокоиться... – машинально ответила Надежда на этот красноречивый взгляд и добавила гораздо громче, уже для Веры: – Отлично, мы очень мило поговорили...

– Поговорили? – переспросила Вера, и в ее глазах мелькнул испуг.

Или это Надежде только померещилось?

– Да шучу, конечно, шучу! – успокоила ее Надежда. – Посидели рядышком... Он спокойный...

– Ой, спасибо вам большое! – Вера выдохнула с явным облегчением. – Вы меня так выручили! – И показала торчащую из сумки бутылку с молоком.

– Мы же соседи, а соседи должны друг друга выручать! – ответила Надежда глубокомысленно. – Ну, я, пожалуй, пойду, дел много... Обед готовить нужно... и тоже вот по магазинам...

Отойдя на несколько шагов, Надежда подумала, что зря сказала насчет помощи соседям. Этак Вера начнет теперь часто обращаться. А вообще-то это ей за работу деньги платят, так что должна сама управляться, тем более что ее подопечный и в самом деле неагрессивный, на людей не нападает.

Перед Надеждой еще долго стояло лицо Виталия Андреевича – озабоченное, взволнованное... Не дай бог лишиться разума! Как говорил Пушкин: «Не дай мне бог сойти с ума. Нет, легче посох и сума; нет, легче труд и глад...» Но Виталия Андреевича, пожалуй, никто не назвал бы сумасшедшим. У него не безумно вытаращенные глаза, он не орет жутко, ни на кого не бросается... Посторонний человек, увидев его сидящим на лавочке, ничего не заподозрил бы. Мало ли человек в одну точку смотрит – задумался о своем, да и все тут.

Может ли быть так, что разум у него сохранился, только заключен в клетку его тела и не может вырваться наружу, не может достучаться до окружающих, донести до них что-то важное?..

Пустое, тут же опомнилась Надежда. Из чего она делает такие выводы? Из того, что этот человек вдруг заговорил? Так Вера не сказала, что он немой, так что нечего удивляться.

Надежда вспомнила, как Виталий Андреевич произносил бессмысленные цифры таким тоном, как будто это важная информация, от которой зависит человеческая жизнь...

И вот еще что интересно. Он произносил цифры по порядку, но через какие-то промежутки повторял одно и то же число... точнее, два числа: двенадцать тридцать три... Должно быть, в этих четырех цифрах для него был заключен какой-то особый смысл. А возможно, что и нет никакого смысла, просто болтает, что в голову взбретет. А что уж там в его больной голове, один Бог знает.

Надежда решила, что невозможно проникнуть в мысли душевнобольного и не стоит тратить на это время. Лучше провести его с пользой.

Она прошла по маленьким магазинчикам у метро, купила сметану, помидоры и свежий хлеб. Выпила чашку кофе в той же пекарне и отправилась домой, посчитав, что развеяла скуку.

Дома Надежда достала из холодильника замороженный фарш и поставила его на разморозку в микроволновую печь. Она решила приготовить не банальные котлеты, а замечательное блюдо под названием «фальшивый заяц», рецепт которого позаимствовала у матери. Но только Надежда выбрала нужный режим, цифры на табло микроволновки мигнули и погасли.

– Да что же это такое! – воскликнула Надежда в сердцах. – Неужели микроволновка сломалась? Совсем же новая, месяца не прошло, как купили!

Но, открыв дверцу холодильника, она увидела, что он тоже не работает. Скорее всего в квартире отключилось электричество. Будучи по душевному складу и основной профессии инженером, Надежда проверила эту гипотезу еще одним экспериментом – щелкнула выключателем. Свет не загорелся, что вполне однозначно подтвердило гипотезу.

Надежда вышла на лестничную клетку, где находился щиток с предохранителями. Разумеется, за ней увязался кот – ему всегда хотелось находиться в гуще событий, он боялся упустить что-нибудь интересное.

Заглянув в распределительную коробку, Надежда убедилась, что все предохранители включены. Тут позвонили в дверь, и Надежда впустила с лестницы соседку Антонину Васильевну, которая жила этажом ниже.

Соседка слыла на редкость активной и любознательной, чтобы не сказать хуже, и всегда была в курсе происходящих в доме, и не только в доме, событий.

– Что, Антонина Васильевна, – догадалась Надежда, – у вас в квартире тоже электричества нет?

– И у меня, и во всем доме. И не только в нашем. Я уже звонила в энергонадзор, они сказали, что случилась какая-то авария и во всем микрорайоне отключение.

– Надо же, как неудачно... – протянула Надежда. – А я фарш разморозить не успела...

– Как раз очень удачно! – не согласилась с ней Антонина Васильевна.

– Что же здесь хорошего?

– Удачно, что во всем микрорайоне. Значит, быстро починят. Если бы только в нашем доме случилась авария, наверняка целый день провозились бы, а так поторопятся, может, за час управятся, а то и быстрее... Аварийную бригаду уже выслали... А наш электрик как раз три отгула взял, на свадьбу к сестре в Калугу поехал, так что куковали бы мы без света-то... ты только представь!

Как уже говорилось, Антонина Васильевна была в курсе всего, что происходило в их доме и во всем квартале, а также была посвящена в сложные перипетии личной жизни не только жильцов, но и всего обслуживающего персонала.

Не всем жильцам это нравилось, однако приходилось мириться, тем более что польза от ее наблюдательности, несомненно, была большая. Так, Антонина Васильевна предотвратила пару краж и один пожар, за что жильцы были ей очень благодарны, а в районном отделении полиции даже объявили ей благодарность.

– Ну, вы меня обнадежили! – С этими словами Надежда вернулась в квартиру, предвзвешенно с трудом загнав туда же кота, и решила разморозить фарш по старинке – в миске с горячей водой, которую набрала из-под крана.

Она не очень поверила в прогноз соседки, но та оказалась совершенно права. Прошло не больше получаса, и из холодильника донеслось сытое урчание мотора. Надежда взглянула на микроволновку и убедилась, что та тоже заработала, – на табло мигали четыре цифры.

Двенадцать тридцать три...

Надежда машинально взглянула на наручные часы. Они показывали двенадцать пятьдесят. Ну да, все верно – электронные часы на микроволновке отключились, когда прекратилась подача электричества, и теперь показывают время, когда произошла авария.

Но в душе у Надежды оставалось какое-то беспокойство.

Двенадцать тридцать три... отчего-то эти цифры казались ей знакомыми.

Ну да, сообразила она, именно эти цифры с удивительным упорством повторял тот инвалид, с которым Надежда сидела на скамейке. Как же его зовут... Ах да, Виталий Андреевич. Ну, в конце концов, он больной человек, что с него возьмешь? Искать в его бессвязной речи какой-то смысл, какую-то логику – занятие неблагодарное. А то, что эти цифры совпали со временем аварии электросети, – чистая случайность...

Надежда установила на табло микроволновки правильное время, переложила в печку фарш и занялась прочими домашними работами. Нужно было сварить суп, развесить белье, вытащенное из стиральной машины, да еще кот требовал ласки и внимания...

За этими хлопотами незаметно пролетело больше часа.

Кот все это время путался под ногами и громко мяукал, и Надежда решила, что он просто хочет есть. Она заглянула в кладовку, где хранила сухой корм, и с ужасом увидела, что случилось страшное – корм кончился. На дне картонной коробки перекатывались несколько жалких комочков. Надо же, ведь утром проходила мимо магазинчика «Товары для животных» и не вспомнила!

Муж Надежды в коте души не чаял, и если бы узнал, что его любимцу нечего есть – пришел бы в ужас, а потом в неистовство. Может быть, упрекнул бы Надежду в том, что настоял на ее переквалификации в домохозяйку исключительно для того, чтобы она лелеяла кота, а она не может справиться с этой святой обязанностью. Сан Саныч, конечно, очень хорошо к ней относился, но из-за кота вполне мог так сказать.

Разумеется, Надежда нашла бы что ответить... Например, что он и сам мог бы для разнообразия купить корм для своего любимца... В общем, вечер мог бы быть безнадежно испорчен.

Надежда не могла этого допустить.

Она любила мужа и ссориться с ним не хотела, тем более по такой ерунде. Она быстро оделась и вышла из дома, намереваясь купить корм в расположенном поблизости зоомагазине.

Едва Надежда вышла из подъезда, как увидела неподражаемую Антонину Васильевну.

Иногда Надежда думала, что соседка едина в трех лицах. Каким-то непостижимым образом она умудрялась быть одновременно в нескольких местах. И среди этих мест пыльный пятючок возле подъезда был самым любимым – ведь здесь Антонина могла видеть всех, кто входит в дом или выходит из него.

Вот и сейчас она стояла перед подъездом, утешая какую-то всхлипывающую девушку.

Девушка показалась Надежде знакомой. Кажется, она два или три раза видела ее в лифте или на лестнице. Наверное, не так давно поселилась в их доме.

– Что случилось? – спросила Надежда сочувственно.

– Обокрали... ограбили... – проговорила девчонка, размазывая по щекам слезы пополам с тушью.

– Прямо здесь? Около нашего дома?

Девчонка замотала головой и разразилась бурными рыданиями.

Антонина Васильевна, которая уже успела кое-что у нее выяснить, со знанием дела сообщила Надежде, что ограбили не саму девушку, а ювелирный магазин, в котором она работала и который находится в соседнем доме.

Этот магазин Надежда знала, даже пару раз в него заходила. Там работал мастер-ювелир, пожилой рассудительный дядечка, который починил Надежде разболтавшуюся сережку и увеличил на полразмера кольцо, которое после отпуска стало ей тесно. Работал он быстро и аккуратно и во время работы прочитал Надежде целую лекцию о том, как правильно носить ювелирные изделия и как за ними ухаживать.

Лиза – так звали рыдающую девушку – устроилась в магазин совсем недавно. И вот, не отработала и месяца, как его ограбили...

– Ну, что уж так убиваться-то? – проговорила Надежда. – Тебя-то саму не ограбили, а у хозяина наверняка все застраховано...

Однако Лиза продолжала рыдать, и сквозь эти рыдания Надежде с трудом удалось разобрать, что она чего-то или кого-то очень испугалась, да к тому же, когда ее выставили из магазина, оставила там сумку с ключами и теперь не может попасть домой.

С трудом сообщив эти скудные сведения, девчонка снова зашлась в рыданиях.

– Так... – сказала Надежда после непродолжительного размышления. – Ей сейчас нужно выпить горячего сладкого чая. Он снимает стресс...

– Это ты правильно говоришь, Надя! – подхватила Антонина Васильевна. – Я помню, когда Валя, племянница моя, встретила в малиннике медведя, так она тоже... впрочем, сейчас не до того. Это я потом как-нибудь расскажу. Пойдем, деточка, ко мне, я тебя чаем напою!

– А я сейчас быстренько в магазин сбегая, заодно что-нибудь куплю к чаю, и тоже к вам приду! – С этими словами Надежда устремилась в зоомагазин.

Там она быстро купила корм для кота, а в соседней пекарне прихватила свежий кекс и несколько сдобных булочек (при мысли о том, сколько в них калорий, она тяжело вздохнула, но утешила себя тем, что покупает их не из чревоугодия, а для святого дела).

С этой добычей Надежда примчалась обратно и позвонила в дверь Антонины Васильевны. Та ей тут же открыла и проводила Надежду на кухню.

Лиза сидела, подперев щеку кулаком, и тихо всхлипывала. Перед ней стояла большая чашка горячего чая. Надежда выложила на стол кекс и булочки.

Антонина Васильевна поставила еще две чашки, разлила чай и озабоченно взглянула на буфет.

– Я вот что думаю... – проговорила она неуверенно. – Может, ей немножко наливки плеснуть? У меня есть вишневая...

– Очень правильная мысль! – одобрила Надежда. – От вишневой наливки еще никому вреда не было.

Антонина Васильевна достала парадные хрустальные рюмки и наполнила их ароматной наливкой.

Лиза машинально выпила, и лицо ее немного порозовело. После наливки она прихватила булочку и выпила чаю. В общем, через несколько минут она была похожа на человека и приступила к рассказу о сегодняшнем происшествии.

– Я туда недели три как устроилась. Платили неплохо, работа чистая, аккуратная, опять же, с красивыми вещами. Ну, думаю, в кои-то веки повезло. А сегодня...

Вспомнив о сегодняшних событиях, она снова чуть не зарыдала, но Надежда Николаевна вовремя сунула ей в руку вторую булочку. Лиза машинально откусила, передумала плакать и продолжила с набитым ртом:

– Я как раз вышла в туалет, покупателей в зале не было. И тут свет отключился...

– Значит, это было в двенадцать тридцать три... – машинально вставила реплику Надежда.

– Да, примерно в половине первого, – согласилась Лиза. – Я из туалета выглянула, думала, кто-то случайно выключил, но смотрю, во всем магазине света нет. И тут открылась задняя дверь, и вошли... эти... – Губы девушки задрожали, она снова собралась зарыдать.

– Задняя дверь магазина? – уточнила Надежда, чтобы отвлечь Лизу от этого намерения. – Она что, была открыта?

– Нет, заперта, – возразила Лиза. – Но замок электронный, и когда нет света, он выключается. – Напряженное умственное усилие отвлекло ее от рыданий, и она продолжила: – Значит, вошли они...

– Они? И сколько же их было?

– Трое, – ответила Лиза, не задумываясь. – Двое – бандюки обычные, а один – страшный... лицо такое узкое и жесткое, кажется, порезаться об него можно. А глаза... холодные, прямо как лед. Я испугалась, ускакала обратно в туалет и дверь за собой прикрыла. Но он меня, кажется, не заметил, пошел дальше, и те двое за ним. А тут хозяин из кабинета вышел, Лев Борисович...

– Как ты это поняла? – переспросила Надежда. – Ты ведь дверь закрыла?

– А там дверь тонкая, через нее все слышно. Я и услышала, как сначала дверь кабинета скрипнула, а потом Лев Борисович испуганно вскрикнул. Я его по голосу сразу узнала. Да и потом, кроме него, кто там еще мог быть? Никого там больше не было. Тогда я немножко дверь приоткрыла и выглянула в коридор...

Посреди коридора стоял невысокий полноватый мужчина в сером костюме – хозяин магазина Лев Борисович. Его окружали трое незнакомцев – человек с узким и острым, как бритва, лицом и двое его ничем не выделяющихся спутников.

– Вы кто такие? Что вам нужно? – проговорил Лев Борисович, стараясь не показать свой испуг, но под конец все же пустил петуха.

– А ты догадайся! – насмешливо отозвался узколицый.

– Вы не по адресу пришли! У меня с Колесом все перетерто, я ему, что надо, плачу...

– Мне на Колесо плевать с Эйфелевой башни! – прошипел узколицый. – Ты знаешь, что мне нужно! Если отдашь – будешь жить, а нет... сам понимаешь!

– Колесо... – снова проговорил хозяин.

– Засунь колесо себе знаешь куда? Ты сейчас не с Колесом, ты сейчас со мной разговариваешь!

– Ребята, – теперь голос Льва Борисовича заметно дрожал, – ребята, берите в зале что хотите, только не надо...

– Да на черта мне та дрянь, которая у тебя в зале для лохов выставлена! – оборвал его узоколицый. – Пойдем в твой кабинет! Ты знаешь, что нам нужно!

Лев Борисович стал белее сметаны.

– Ребята, не надо... – лепетал он.

Однако узоколицый схватил его за лацканы пиджака и втолкнул в кабинет. Прежде чем закрыть дверь, он оглянулся. Лиза, которая все еще стояла за полуприкрытой дверью, отшатнулась, таким страшным показался ей этот взгляд.

Дверь кабинета захлопнулась, из-за нее донеслись звуки глухих ударов, приглушенный крик, потом что-то негромко скрипнуло. Наконец дверь широко распахнулась, трое грабителей выскочили оттуда и друг за другом бросились прочь через задний выход.

«Я ничего не видела... я ничего не слышала... я ничего не знаю...» – мысленно повторяла Лиза.

Буквально через полминуты во всем магазине вспыхнул свет.

Лиза выскользнула из туалета и прошмыгнула в зал. Ее отсутствия, кажется, никто не заметил. Карина самозабвенно читала что-то в телефоне, Даша безуспешно пыталась продать сережки с изумрудами семейной паре средних лет.

– Если сделаете скидку, куплю! – упирался несговорчивый муж. – Только настоящую скидку... пять процентов или, там, даже шесть меня не устроит!

– Лиз, постой пока здесь, я сбегая к Борисычу, спрошу насчет скидки! А ты что такая бледная? Ты не беременная? – проговорила Дашка вполголоса.

– Типун тебе на язык! Наверное, съела что-нибудь...

Даша исчезла за дверью с надписью: «Только для персонала», и вскоре оттуда донесся истошный вопль. А через несколько секунд Даша влетела в зал с круглыми глазами и заверещала:

– Лев Борисыч... Лев Борисыча... Лев Борисычу...

– Да что случилось-то? – растерянно переспросила Карина, неохотно отрываясь от телефона.

Дашка с трудом отдышалась и выпалила:

– Вызывай! У тебя как раз телефон в руках! Чего стоишь? Вызывай скорее!

– Да кого вызывать-то?

– Полицию... «Скорую»... всех вызывай!

– И пожарных?

– Пожарных не надо.

– Да что случилось-то?

– Случилось! Льва Борисыча убили!

– Что – правда? – Карина ахнула.

Покупатели торопливо покинули магазин.

– Да вызывай же ты скорее!

Карина наконец вышла из ступора и набрала номер.

Не прошло и пяти минут, как на улице раздалась приближающаяся сирена, и в двери магазина вбежали несколько человек в полицейской униформе.

– Что тут у вас стряслось? – осведомился человек в штатском, появившийся последним.

– Вот она знает! – показала Карина на Дашку.

– Нашего хозяина убили! – выпалила та.

– Где труп? – спокойно осведомился полицейский.

В это время дверь с надписью: «Только для персонала» открылась, и на пороге появился Лев Борисович.

Он был бледен, под глазом расцветал огромный синяк, нижняя губа разбита, воротник рубашки разорван и испачкан кровью. Но он, несомненно, был жив и первым делом одарил

своих сотрудниц выразительным, многообещающим взглядом. Лиза очень обрадовалась, что не она вызвала полицию.

– Вот он... – растерянно протянула Даша.

– Та-ак... – протянул полицейский в штатском. – Что-то он не очень похож на труп. Значит, хозяина не убили... а что же произошло?

– Какие-то люди ворвались в магазин... – неохотно сообщил Лев Борисович.

– Значит, имело место ограбление... только я что-то не вижу его следов! – Полицейский оглядел зал, в котором и правда не было никаких разрушений.

– Они ворвались через заднюю дверь, со двора, вломились в мой кабинет...

– Много взяли? – деловито осведомился полицейский.

– Нет, совсем немного... – проворчал Лев Борисович.

– Что ж так?

– Видимо, их кто-то спугнул.

– Спугну-ул? – протянул полицейский. – Значит, из зала ничего не пропало?

– Ничего! – дружно закивали продавщицы. – Мы и не слышали никакого шума!

– Ага... – Полицейский посмотрел на директора магазина, у которого от этого взгляда, видимо, забурчало в животе и заболели разом все зубы, поскольку он сморщился. – Значит, вы сейчас быстренько отпускаете персонал, чтобы не мешались, магазин, конечно, закрываете, и мы с вами поговорим в кабинете, – ласково сказал полицейский и пошел вслед за понурым Львом Борисовичем.

Лиза заметила, что лицо полицейского расплылось от предвкушения.

– Ну вот, – Лиза допила наливку и оглядела стол в поисках булочек, но они кончились, – мы и ушли. И что теперь будет?

– Известно что, – сказала Антонина Васильевна, – хозяин ваш большие деньги отдаст, чтобы дело прикрыли, потому как теперь наедут на него по полной программе и налоговая, и проверки всякие. Небось полицию не велел вызывать?

– Ага... А Дашка, дура... теперь ее точно уволят...

– Я так думаю, что всех уволят, – вступила Надежда в разговор. – Хотя бы потому, что магазин долго будет закрыт, так чего вам зря зарплату платить. Ладно, пойду я...

– Дайте телефон! – встрепенулась Лиза. – Подружке позвоню, мы с ней вместе квартиру снимаем, она пораньше придет.

– Ты, главное, помалкивай, – наставляла девчонку Надежда, – ничего не видела, в туалете сидела, живот у тебя прихватило. С кем не бывает... Стой на своем, показания не меняй.

– Да уж знаю, – вздохнула Лиза.

На следующий день Надежда Николаевна тащила из химчистки тяжеленный тюк с покрывалом. Стирать его в машине не было никакой возможности – широкое и стеганое, оно просто не помещалось в бак. Покрывало считалось зимним, на лето Надежда застилала кровать более тонким и светлым. А это почистить, да и спрятать в шкаф до зимы.

У подъезда маячила Антонина Васильевна, которая разговаривала по телефону.

– Привет, Надя, – сказала она, – а лифт не работает.

– Да вы что?! – завопила Надежда, представив, как будет тащиться на седьмой этаж с тяжелым тюком наперевес. – Что у нас происходит? То свет отключают, то лифт не работает!

– Да я уж звонила, – ответила соседка, – обещали поскорее мастера прислать.

Надежда поверила, что так и будет – у Антонины Васильевны не забалуешь, ее все службы знали и боялись.

– Крути не крути, а надо идти, – сказала Надежда и подхватила свой тюк. – Не ждать же, пока мастер придет.

– Да уж, нам-то ничего, – согласилась Антонина Васильевна, – а вот Вера со своим инвалидом сколько ползти будут до девятого-то... Только что пошли, Вера говорит, у него строгий режим, лекарство обязательно по часам принимать нужно...

– А кстати, – Надежда плюхнула тяжелый пакет на асфальт, – откуда он взялся, инвалид этот? Вы, Антонина Васильевна, все всегда знаете...

– Откуда взялся? А ведь, пожалуй, и не знаю. – Соседка выглядела удивленной. – Знаю, что квартиру эту купили у Валерки, они с женой развелись и разъехались. Думаю, привезли этого инвалида из другого города, наняли сиделку, с собой ведь такого не поселишь. Кто этим занимался – не знаю, только сиделку, Веру эту, и вижу.

– А что с ним такое? Какая болезнь?

– Да, может, он такой уже давно или с рождения...

– Не-а, недавно, – заметила Надежда Николаевна, – вся одежда большего размера, как будто он вдруг резко похудел. Такое после болезни бывает.

– А ведь и правда... – протянула Антонина Васильевна.

Надежда подхватила свой тюк и устремилась наверх.

Первые три этажа она проскочила на ура, четвертый преодолела, отдуваясь и перекладывая тюк из руки в руку, пятый же проползла, сцепив зубы и ругая про себя лифтеров такими словами, каких от себя и не ожидала, а уж если бы такое услышал из ее уст вежливый муж, то был бы поражен в самое сердце.

На площадке пятого этажа Надежда преодолела искушение прислониться к стенке или же повиснуть на перилах, скомандовала себе: «Вперед!» – как командир, призывающий бойцов в атаку, и пошла на чистом адреналине. Пройдя всего один марш, она настигла Веру с Виталием Андреевичем.

Обрадовавшись, что можно ненадолго остановиться и перевести дух, Надежда повернулась к ним, и слова приветствия невольно застряли у нее в горле.

Виталий Андреевич был явно не в лучшей форме – бледный до синевы, на лбу выступила испарина, губы дрожали. Он пытался опереться на перила, но рука не слушалась и бестолково шарилась по воздуху. В глазах стояла пелена. Было такое чувство, что он сейчас потеряет сознание.

– Миленький! – Вера поддерживала его с другой стороны. – Ну, еще немножко, и придем! Совсем немного осталось! Только не падай тут... – в ее голосе слышались слезы.

– Да что ж это такое творится! – Надежда бросила тюк и подхватила инвалида с другой стороны. – Давайте вместе!

– Нет, все равно не дойдет, – вздохнула Вера. При виде Надежды она немного успокоилась. – Ему лекарство нужно обязательно принять, тогда легче станет. Надя, вы тут постойте, я сбегаю за этим лекарством, ладно?

Надежда согласилась. А что ей еще оставалось?

Вера бодро припустила вверх по лестнице. Как только она скрылась из глаз, Виталий Андреевич повернулся к Надежде. Теперь в его глазах не было прежнего отрешенного выражения, и пелены тоже не было. Он пошевелил губами, словно примериваясь, и заговорил тихим, чуть хриплым голосом:

– Один... два... три...

«Ну, снова-здорово, завел свою шарманку», – подумала Надежда Николаевна.

– Четыре... пять... шесть... четырнадцать девяносто два... – продолжал Виталий Андреевич.

– Опять двадцать пять! – сказала Надежда. – Ну что вам эти цифры?

– Четырнадцать девяносто два! – в голосе инвалида прозвучало что-то, напоминающее упрямство ребенка.

– Ну хорошо-хорошо... – Надежда погладила его по плечу. – Пускай будет четырнадцать девяносто два.

– Девять... десять... – успокоившись, снова забормотал Виталий Андреевич, – одиннадцать... двенадцать... четырнадцать девяносто два... тринадцать...

Наверху хлопнула дверь, послышались быстрые шаги – это Вера неслась с лекарством.

– Пятнадцать... – Виталий Андреевич наклонился к Надежде и говорил теперь едва слышно ей на ухо: – Семнадцать... восемнадцать... четырнадцать девяносто два...

– Ну как он? – Вера смотрела на них с площадки шестого этажа.

– Да вроде ничего.

Надежде показалось, что в глазах Веры мелькнуло подозрение. Или страх? Но сиделка уже спустилась, протягивая инвалиду стаканчик с растворенным в нем лекарством. Виталий Андреевич смотрел отрешенно, молча открыл рот и выпил, не поморщившись. Постоял немного, сделал шаг вперед и упал бы, если бы Надежда не перехватила его буквально в воздухе.

– Слушайте, давайте уж я вас до квартиры провожу! – сказала она решительно.

Вдвоем они доволокли инвалида до девятого этажа довольно быстро. По дороге Надежда осторожно выяснила, что Виталий Андреевич – клиент тихий. Сам одевается, сам умывается и может ходить по квартире. Сам ест, только очень мало. Разговаривать не может, но все понимает. Себя контролирует, тут у Веры проблем не было.

Надежда хотела было сказать, что с ней Виталий Андреевич разговаривал, только цифрами, но тут инвалид вроде бы случайно споткнулся и наступил ей на ногу. Надо же, вроде худой такой, легкий, а как больно!

Войти в квартиру Вера ее не пригласила, да и не нужно этого. Надежда побежала к себе и вспомнила, что забыла тюк с покрывалом между пятым и шестым этажами, только минут через сорок. Надо же, на нее редко находит такая забывчивость!

Надежда занималась домашними делами, но перед глазами по-прежнему стояло озабоченное лицо Виталия Андреевича, а в ушах звучал его монотонный голос.

Эти цифры... что он хотел сказать?

Надежда открыла посудомойку, да так и застыла над ней.

Так ли уж бессмысленны были цифры? Если бы он просто перечислял по порядку – один, два, три и так далее, хоть до миллиона, то она и внимания не обратила бы. Ну, человек не в себе, ясное дело. Это если вежливо говорить, а если по-простому – то больной на всю голову. Псих, одним словом.

Однако... псих-то он псих, но вчера именно в двенадцать тридцать три отключилось электричество во всем микрорайоне и в ювелирном магазине открылся электронный замок на двери. Как раз для того, чтобы могли войти грабители.

Они с Антониной Васильевной еще удивились вчера, как же такое возможно – на двери электронный замок. Мало ли какая авария случится, свет вырубится, вот и дверь нараспашку. А Лиза сказала, что на ночь они запирали дверь изнутри на огромный такой крюк – мол, это надежнее всего. А днем, конечно... то товар привезут, то кто-то придет к хозяину, вот крюк и снимали.

В общем, хозяин магазина крутил какие-то свои дела, но Надежду это не интересовало. Сам как-нибудь разберется. А вот каким образом Виталий Андреевич узнал, что электричество отключится именно в двенадцать тридцать три и ни минутой позже? Нет, все же придется признать это обычным совпадением.

Надежда обнаружила, что стоит склонившись над посудомойкой в самой неудобной позе, и решила сосредоточиться на хозяйстве и выбросить из головы посторонние мысли. Однако мысли никак не хотели уходить – голова-то свободна. Перемыв и убрав посуду, Надежда села за

стол, чтобы выпить чаю. Достала было песочное печенье и конфеты, но устыдилась и положила на тарелку сухофрукты и орехи. Все же лучше, чем конфеты и сдоба.

– Итак, – сказала она коту Бейсику, – что мы имеем? Сегодня Виталий Андреевич говорил совершенно другие цифры – четырнадцать девяносто два. Что бы это значило?

Кот потянулся и посмотрел на Надежду неуважительно – дескать, дурью маешься, проблемы из пальца высасываешь. Делать тебе нечего, что ли?

– Раз ты так, вообще с тобой разговаривать не буду! – обиделась Надежда.

И то верно, на словах все выходило глупо. А вот если тихо посидеть и поразмышлять... Что могут означать эти цифры – четырнадцать девяносто два? Время отпадает, в часе минут всего шестьдесят, так что девяносто два не подходит. Четырехзначное число... Дата? Ага, тысяча четыреста девяносто второй год.

Надежда Николаевна была женщиной образованной, причем не только технически. Кое-что она помнила из школы, кое-что почерпнула из художественной литературы. Историю она всегда любила, но вот с датами была у нее проблема. Из всей истории – русской, зарубежной, Древнего мира и Средних веков – Надежда помнила только, что восстание Спартака было в семьдесят втором году до нашей эры и что Колумб открыл Америку в одна тысяча четыреста девяносто втором году. Правда, открыл он не совсем Америку и там еще была какая-то путаница с Америго Веспуччи, но эту дату Надежда помнила точно. И еще, кажется, в тысяча восемьсот шестидесятом году в России отменили крепостное право.

Но при чем тут Колумб? Какое он имеет отношение к инвалиду с девятого этажа?

Надежда очнулась от мыслей и обнаружила, что съела пакет инжира и полкоробки фиников. Уж лучше бы одну конфету за щеку положила... ой, лихо!

Она взглянула на стенные часы и ахнула – скоро должен прийти муж, а у нее еще ужин не готов.

Надежда в панике заметалась по кухне. Кот, почувствовав ее настроение, стал нарочно путаться под ногами, и в это время зазвонил мобильный телефон. Надежда кинулась к нему и по дороге нечаянно наступила Бейсику на хвост. Кот в полном праве завопил дурным голосом, да еще и цапнул Надежду когтями. Поэтому, схватив телефон, Надежда раздраженно выпалила:

– Слушаю!

– Надя, – раздался в трубке удивленный голос мужа, – у тебя что-то случилось?

– Ничего не случилось! – ответила Надежда и погрозила кулаком коту, который залег под столом и сверкал оттуда глазами, явно намереваясь совершить на нее атаку.

– А почему у тебя такой голос? – допытывался Сан Саныч.

– У меня котлеты на огне! – соврала Надежда, чтобы не признаваться, что поссорилась с котом. Муж, несомненно, встал бы на сторону Бейсика. – Что звонишь-то?

– Понимаешь, Наденька, – замел муж хвостом, – у нас здесь важный вопрос решается...

– Что, поздно придешь? – догадалась Надежда.

– Ну, не то чтобы совсем поздно, но все же...

– Вот так всегда! – с деланным пафосом воскликнула Надежда. – Придется все разогреть! Ну ладно, – смягчилась она, – работа есть работа... приходи, когда сможешь.

– С Бейсиком все в порядке? – осведомился муж, почувствовав в ее голосе какую-то фальшь.

– Да что с ним будет-то? – Надежда покосилась на кота, который с угрожающим видом подкрадывался к ее левой ноге.

Закончив разговор, она облегченно выдохнула. Муж задерживается, так что она все успеет.

Кот, услышав про котлеты, решил сменить гнев на милость.

– А вот фиг тебе, – злорадно сказала Надежда, смазывая царапины йодом, – сегодня не котлеты, а курица запеченная.

Кот понял, что сегодня не его день, и ушел на буфет.

Надежда успела приготовить ужин, помириться с Бейсиком и даже еще немного свободного времени осталось, так что Надежда включила телевизор. Она смотрела его очень редко, но сейчас ей захотелось узнать городские новости.

В глубине души она надеялась, что ей сообщат что-нибудь об ограблении ювелирного магазина.

По телевизору как раз шла новостная передача. Ведущий, круглолицый молодой человек с короткой стрижкой, фальшиво-озабоченным тоном сообщил:

– Сегодня совершен акт бессмысленного вандализма. Неизвестные ворвались в офис туристической фирмы «Колумб», расположенный по...

Ведущий назвал адрес, находящийся в нескольких кварталах от дома Надежды.

– Колумб? – Надежда подскочила на диване и стала слушать с удвоенным вниманием.

– Вандалы залили офис турфирмы зеленой краской, сделали на стенах надписи и рисунки, разбросали листовки и скрылись до появления полиции.

– А про ограбление ювелирного магазина ни слова! – пробормотала Надежда. – Как будто его и не было.

Камера сместилась, и в кадре появился разгромленный офис.

– Судя по содержаниям листовок, – продолжил ведущий, – нападение совершила группа экологических активистов, именующая себя «Зеленая бригада»...

– Бейсик, ты что-нибудь понимаешь? – обратилась Надежда к коту за неимением другого собеседника. – Почему экологические активисты напали на офис турфирмы?

Кот ей не ответил, зато ведущий программы тут же разрешил все сомнения:

– В листовках, разбросанных в офисе, и в надписях на стенах активисты объяснили, что протестуют против туризма, потому что каждый самолет, перевозящий туристов, сжигает многие тонны горючего и тем самым наносит непоправимый вред экологии...

– Вот оно что! – протянула Надежда.

– А поскольку турфирма «Колумб» специализируется на поездках в страны Карибского бассейна, расположенные чрезвычайно далеко от нашего региона, то такие поездки сопряжены с длительными перелетами, а следовательно, ее деятельность приносит экологии особенно значительный вред...

Тут камера в очередной раз переместилась, и на экране появился большой рекламный плакат. Несмотря на то что он был густо залит зеленой краской, на нем вполне можно было разглядеть красивую каравеллу, подплывающую к цветущему тропическому острову. Сверху над каравеллой змеилась надпись: «Колумб. 1492».

– Ну да... – пробормотала Надежда. – Действительно. Хотя этот год считается годом открытия Америки, на самом деле Колумб открыл тогда Карибские острова... или Антильские... Ты не помнишь, Бейсик, какие именно?

Бейсик ничего не ответил. Видимо, он знал географию не лучше Надежды.

Надежда еще раз взглянула на плакат.

«Колумб. 1492».

Те самые цифры, которые повторял несчастный инвалид. Четырнадцать девяносто два.

Что же это значит?

Если вспомнить про цифры двенадцать тридцать три, про электронный замок и так далее, то логично предположить, что грабители заранее знали об этом отключении. Или, еще вероятнее, сами к этому отключению так или иначе причастны.

Но тут возникают новые вопросы.

Во-первых, по словам хозяина ювелирного магазина, грабители почти ничего у него не взяли. Во всяком случае, в торговый зал, где выставлены ювелирные украшения, они даже не зашли.

Но хозяин магазина явно врет – что-то бандиты у него взяли, только не из зала, а из кабинета. Что-то, ради чего и было задумано это ограбление. Значит, это «что-то» очень дорогое или, по крайней мере, очень важное.

Но второй вопрос еще более сложный. Как связан с этой историей беспомощный инвалид Виталий Андреевич? Откуда он мог знать точное время отключения электричества в микрорайоне?

Впрочем, как раз на этот вопрос ответ есть, и ответ очень простой.

Виталий Андреевич ничего не знал об отключении электричества и тем более об ограблении магазина, это просто случайность, совпадение.

Надежда знала о существовании принципа «бритва Оккама», гласящего, грубо говоря, что если для какого-то события имеется самое простое объяснение, то оно и есть правильное.

И этот простой вполне устраивал Надежду, казался ей вполне логичным, до тех пор, пока она не увидела написанный на стене турфирмы год открытия Америки.

Четырнадцать девяносто два.

Те самые цифры, которые Виталий Андреевич твердил при их вчерашней встрече.

Теперь Надежда уже не могла отделаться простым объяснением, не могла списать все на совпадение.

В первую их встречу Виталий Андреевич упорно повторял четыре цифры – и эти цифры оказались связаны с преступлением, совершенным рядом с ее домом.

Вчера он повторял четыре другие цифры – и они тоже оказались связаны... допустим, не с преступлением, но с неким событием, которое произошло неподалеку.

Одно совпадение – куда ни шло, но два – это уже перебор.

Надежда очнулась от мыслей и осознала, что из кухни идет запах подгорелой курицы. Как раз в этот момент на пороге возник Сан Саныч. Он втянул носом воздух и удивленно спросил:

– У тебя что-то сгорело?

– Не сгорело, а пересохло, – огрызнулась Надежда. – Ты бы еще позже явился!

От ужина муж деликатно отказался и даже не поинтересовался, почему ему предлагают курицу, если заявлены были котлеты. Из чего Надежда сделала вывод, что он был в ресторане. Стало быть, снова партнер из Москвы пригласил. Самой ей после инжира и фиников есть совершенно не хотелось, так что супруги просто выпили чаю.

Антонина Васильевна вошла в помещение правления ТСЖ, которое она по старой, советской еще привычке называла жилконторой.

Правление занимало единственную, хотя и довольно большую комнату. В углу за компьютером сидела бухгалтер Маргарита Петровна, ближе к двери за широким, заваленным бумагами столом расположился управляющий Степан Трофимович, крепкий бритоголовый мужчина лет пятидесяти. Лицо его было красно то ли от длительного пребывания на воздухе, то ли от привычного раздражения общей бестолковостью окружающих людей и обстоятельств. Перед ним стоял один из жильцов, Пролазкин, щедушный, неприметный человек в очках, сползающих с птичьего носика.

– Антонина Васильевна, вам чего? – повернулся к вошедшей женщине Степан Трофимович.

Антонину он знал слишком хорошо и ждал от нее всевозможных неприятностей.

– Да мне ничего, Степан Трофимович! – ответила та миролюбиво. – Я вот к Маргарите Петровне, у меня по оплате вопрос.

– А, ну ладно! Хорошо, что хоть вы не ко мне! – Управляющий снова повернулся к Пролазкину: – Так чего же вы от меня хотите?

Антонина Васильевна протиснулась к столу бухгалтера и присела на краешек стула.

– Что у вас за вопрос по оплате? – негромко осведомилась та, переведя взгляд с экрана компьютера на посетительницу.

– Да не то чтобы по оплате... – осторожно, вполголоса отозвалась Антонина Васильевна. – У меня вопрос скорее личный...

– Ох, тогда вы не вовремя... – Маргарита Петровна покосилась на управляющего. – Он сегодня не в духе... весь день народ тянется, и все с жалобами. Сейчас вот Пролазкин из тридцать восьмой. Уж на что тихий человек, а тоже жаловаться пришел...

Антонина Васильевна невольно прислушалась к разговору.

– Я извиняюсь, – лепетал тем временем Пролазкин, – я же не могу жить без туалета! Никто не может жить без туалета! Покажите мне такого человека, который может! А вы мне, извиняюсь, фановую трубу заварили! Что же, мне в торговый центр по своим надобностям ездить? Хорошо еще днем, а если ночью приспичит? Лучше бы вы, извиняюсь, электричество мне отключили! Без света и то, наверное, легче жить, чем без... этого!

– Фановую трубу? – переспросил управляющий, сделавшись еще краснее. – Мы фановую трубу только злостным неплательщикам завариваем! Которые по году и больше коммунальные услуги не оплачивают! Если вам заварили – значит, вы злостный! А электричество отключить мы вам не имеем права, закон не позволяет! А про фановую трубу в законе не сказано, значит, можно...

– Я не злостный! – истерично воскликнул Пролазкин. – У меня все вовремя оплачено! Вот, я и квитанции принес! – И он сунул под нос управляющему толстую пачку квитанций.

– Не злостный? – удивленно переспросил Степан Трофимович и зашелестел квитанциями. – Маргарита Петровна, у нас Пролазкин из тридцать восьмой не злостный?

– Нет, Степан Трофимович, – робко пискнула бухгалтер. – Пролазкин у нас аккуратный, всегда вовремя вносит плату. Бывает, что один счет два раза оплачивает, я тогда пересчитываю.

– Но вы же мне написали, что злостный!

– Нет, Степан Трофимович, я вам написала, что злостный – Прохазкин из восемьдесят третьей! Вот же, и записка моя лежит! Там все ясно написано!

– Правда Прохазкин из восемьдесят третьей... – тоскливо протянул управляющий, уставившись на смятый листок бумаги, лежащий в углу стола.

– Так что же, мне починят фановую трубу? – с робкой надеждой спросил Пролазкин.

– Непременно! Сейчас же! Маргарита Петровна, где у нас сейчас Бахтияров?

– Бахтияров во втором подъезде, вентили в подвале меняет.

– Я прямо сейчас отправлю его к вам...

Управляющий встал из-за стола и покинул комнату. Счастливый Пролазкин устремился за ним.

Маргарита Петровна облегченно вздохнула:

– Ну вот, хоть тихо теперь будет! Ненадолго, правда. Так что вы у меня хотели спросить?

– А вот что. У нас в подъезде недавно такой человек появился – видно, больной или после аварии. Ходит, на скамейке сидит, но не разговаривает. Еще сиделка при нем, Вера.

– В шестьдесят четвертой квартире, – моментально уточнила Маргарита.

– Это я и сама знаю, что в шестьдесят четвертой. А что еще про него известно?

– А вам зачем? – осведомилась Маргарита Петровна. – Дело к нему какое, или просто так?

– Да какое же к нему может быть дело? Он же инвалид. Просто я все про всех в доме знаю, а про него ничего. Непорядок. У меня от этого даже бессонница началась.

– Да я и сама про него не больше вашего знаю, – призналась бухгалтер. – Был бы этот Сычев собственник, у меня были бы его данные, а он живет в съемной квартире.

– А кто же собственник этой квартиры? – не сдавалась Антонина Васильевна.

– Собственник? – Маргарита Петровна поняла, что посетительница все равно от нее не отстанет, и полезла в компьютер. – Шестьдесят вторая квартира... шестьдесят третья... вот она, шестьдесят четвертая! Значит, собственник этой квартиры – Соколовский Сергей Сергеевич, одна тысяча девятьсот семьдесят... впрочем, дата рождения вам, наверное, неинтересна.

– А живет он где?

– А живет этот Соколовский... а живет он в городе Сыктывкар, это в Коми...

– Да знаю я, где Сыктывкар! Так что он, оттуда и не наведывается? Оттуда все счета оплачивает, и все прочее?

– А вот и нет. Оплачивает счета не он лично, а по его поручению компания... точнее, общество с ограниченной ответственностью «Астромел».

– И что это за общество такое?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю. Счета они своевременно оплачивают, а остальное-прочее меня не касается. А вас, Антонина Васильевна, это почему интересует?

– А потому, – строго ответила Антонина Васильевна, – что не люблю я непонятного. И на вас просто даже удивляюсь – живет человек, неизвестно кто, неизвестно откуда, а вам и дела мало!

– Да он же инвалид, безобидный... – слабо отбивалась Маргарита Петровна.

– А вы откуда знаете? Вы его документы видели? – напирала Антонина Васильевна. – Может, он социально опасен, может, он припадочный или у него эта... циклотимия, вот!

– А что это такое? – оторопела Маргарита Петровна.

– А это когда больной месяц или даже полгода тихий, а потом начинает куролесить, и обязательно через равные промежутки времени! – без запинки выдала Антонина Васильевна. – Пускаете в дом непонятно кого!

– Да что я-то, – мигом открестилась Маргарита Петровна, – я за бухгалтерию отвечаю, а с оплатой у этого Сычева все в порядке.

– А у сиделки его регистрация есть? Нелегалов еще в доме нам не хватает!

– А у нее вообще гражданство российское, и прописана она в нашем городе! И вообще, если вам что-то не нравится, то обращайтесь к управляющему!

– Да к нему обратишься, пожалуй, он ничего не помнит, – отмахнулась Антонина Васильевна. – Вон Пролазкина с Прохазкиным перепутал. Это же надо – невинному человеку фановую трубу заварить! И я этот вопрос на собрании обязательно поставлю!

Оставив таким образом за собой последнее слово, Антонина Васильевна удалилась с торжеством во взоре. Однако по дороге к дому она дала себе слово выяснить все, что можно, про подозрительного инвалида из шестьдесят четвертой квартиры и взять его под свой персональный контроль.

На следующее утро Надежда проснулась рано. Возможно, оттого, что весеннее солнце ярко светило в окна спальни, и никакие занавески не помогали. Муж еще спал, а кот едва приоткрыл желто-зеленый глаз и мигнул неодобрительно.

Надежда приняла душ и взялась за приготовление завтрака. Сперва она хотела нажарить сырников, но вспомнила, что муж вчера вечером проговорился, что был в индийском ресторане, а там вся еда острая и чай подают с молоком.

Так что Надежда сварила геркулесовую кашу на половинном молоке и посмотрела на проснувшегося мужа строго: будешь есть, как миленький. Сан Саныч не посмел отказаться и даже кофе не стал пить, удовлетворился слабым чаем.

Проводив мужа на работу, Надежда машинально переделала мелкие хозяйственные дела. Все спорилось у нее в руках: и швабра сама летала по комнате, и кот не путался под ногами. Настроение было прекрасное, возможно, из-за хорошей погоды, а скорее всего из-за того, что на сегодня у Надежды Николаевны была намечена цель.

Она решила выяснить, что значат эти совпадения с цифрами.

Способ был только один: снова послушать Виталия Андреевича, и если он опять начнет выдавать цифры, постараться угадать, что они означают. А если это удастся (Надежда в этом почти не сомневалась, поскольку была неплохого мнения о своих умственных способностях), то далее действовать по обстоятельствам, и прежде всего выяснить, кто же такой Виталий Андреевич, как он оказался в их доме и, самое главное, что вообще все это значит.

Занимаясь домашними делами, Надежда изредка поглядывала в окно. Расчет ее был прост: рано или поздно Вера со своим подопечным отправятся на прогулку.

Погода нынче располагает, но поскольку ходит Виталий Андреевич неважно, то они далеко не пойдут, в скверике возле дома и сядут. И если Надежда пройдет мимо, то Вера попросит ее с инвалидом посидеть, потому что в магазин по мелочи всегда нужно. Хлеба свежего купить или, допустим, к чаю чего-нибудь. Или за мобильный телефон заплатить, да мало ли что понадобится.

Надежда все поглядывала в окно и наконец дождалась: из подъезда вышли двое. Виталий Андреевич был одет в новую летнюю курточку, которая не висела на нем, как на вешалке, а пришлась впору. Вот, стало быть, кто-то ему одежду покупает...

Машинально отметив этот интересный факт, Надежда засобиравшись на улицу.

У подъезда она как обычно застала Антонину Васильевну, причем очень недовольную.

– Что это вы, Антонина Васильевна, вроде бы не с той ноги нынче встали?

– Да вот, Надя, как-то я сомневаюсь, – ответила соседка. – Понимаешь, была я в нашем ТСЖ... – И она, посмеиваясь, рассказала про несчастного перепутанного Пролазкина и про свои расспросы насчет инвалида.

– И вот выяснила я только, что фамилия у него Сычев, а больше и ничего. Кто такой, где раньше жил, отчего в наш дом переехал – тайна, покрытая мраком. Понимаешь, если его из провинции к нам перевезли, чтобы к родственникам ближе был, то где те родственники? Никого я не видела и больше тебе скажу – вот сейчас пошли они на прогулку, я Веру и спрашиваю: как же, мол, вы одна с ним управляетесь, надо и туда и сюда. Она сказала, что продукты на дом привозят, она их по телефону заказывает, а если что по мелочи – в магазин может сбегать. Я тогда прямо спрашиваю: кто ее нанимал, кто вообще за все отвечает? Она так шарахнулась от меня. А вам, говорит, зачем? Подхватила своего инвалида, да и пошла. Подозрительно это, вот что я тебе скажу, Надя.

– Ну... – Надежда подумала, что сиделке просто не понравилась излишняя настырность Антонины Васильевны. В то же время чутье Антонину никогда не подводило, это все в доме знали. – Ладно, пойду я по делам. – Надежда пока не хотела делиться с соседкой информацией о странных совпадениях с цифрами, тем более что Виталий Андреевич явно не хотел, чтобы знали о его способностях. Не зря Вера уверена, что он вообще не может говорить.

Расчет Надежды оказался верен, Вера со своим инвалидом сидели на лавочке. Виталий Андреевич смотрел прямо перед собой ничего не выражающим взглядом. Вера, слегка отодвинувшись, читала что-то в телефоне.

– Здравствуйте! – жизнерадостно сказала Надежда, остановившись рядом со скамейкой.

Вера подняла глаза и посмотрела не слишком приветливо, однако пробормотала что-то, напоминающее «Добрый день». Виталий Андреевич никак не отреагировал.

– Как он сегодня? – Надежда присела на край скамьи.

– А вам... – Вера хотела ответить резко, но, очевидно, вспомнила, как Надежда тащила вчера ее подопечного буквально на себе аж до девятого этажа, и прикусила язык. – Ничего, – сдержанно сказала она, – спал вроде хорошо, обычно-то он в полшестого просыпается...

Надежда подумала, что Антонина Васильевна своими расспросами сослужила ей плохую службу. А вот интересно, Вере такие указания дали, чтобы язык не распускала, или же она сама болтать не любит?

Скорее всего первое, уверилась Надежда. Вера не производила впечатления женщины суровой, к тому же ей было скучно, а в такой ситуации поболтать каждый рад. Значит – запрет. Ну, это мы позже выясним, а пока просто так посидим.

– Простите меня, – неожиданно сказала сиделка, – я так устала...

– Конечно, – кивнула Надежда, – одной с таким больным тяжело. Вы же без выходных работаете, да? А нужно хоть изредка без него побыть. Знаете что? Если вам в магазин сбегать надо или еще куда – так я с ним посижу. Он спокойный, неконфликтный, я прослежу, чтобы он никуда не делся. Да и куда ему идти-то?

– Да нет... – Вера отвернулась. – Спасибо конечно... только не пойму, вам-то это зачем?

– А мне на том свете доброе дело зачтется! – весело сказала Надежда.

Но Вера подозрительно поджала губы и помотала головой. Надежда несолоно хлебавши поднялась со скамейки, как вдруг у Веры зазвонил мобильник.

– Да? – сказала она. – Слушаю!

Лицо ее изменилось, стало серьезнее и строже, а в глазах мелькнуло что-то похожее на страх. Или это Надежде показалось?

Сиделка оглянулась на Надежду, и та успокаивающе махнула рукой – иди, мол, я посижу. Вера ушла, прижимая трубку к уху и что-то тихо говоря.

– Ну? – Надежда под села к Виталию Андреевичу поближе. – Слушаю вас, давайте уж вашу таблицу умножения! Или последовательность Фибоначчи!

Он никак не отреагировал на ее игривый тон. Лицо по-прежнему оставалось бесстрастным, а глаза ничего не выражали.

– Виталий Андреевич, – Надежда тронула его за рукав, – ну скажите что-нибудь.

Ага, как же. Он продолжал сидеть как истукан. Похоже, ее слова просто не дошли до него. Отскочили от оболочки, которой он себя окружил. Надежда привстала и заглянула ему в глаза. Лучше бы она этого не делала, потому что глаза Виталия Андреевича ничего не выражали. Буквально ничего, как у покойника (тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить).

– Да... – пробормотала Надежда, – положеньице. Сажу тут, как полная дура, а для чего? Охраняю бессловесного инвалида, как собака-поводырь, так той хоть похлебку дают, а мне что? Тридцать пять минут уже псу под хвост ушло!

Она взглянула на часы, и тут Виталий Андреевич повернулся к ней. В глазах появилось осмысленное выражение, он пошевелил губами, как будто репетируя звуки, и сказал тихим хриплым голосом:

– Тридцать пять...

«Слава тебе, Господи, включился, наконец!» – обрадовалась Надежда.

– Тридцать шесть... – продолжал Виталий Андреевич, – тридцать семь... сорок два пятьдесят шесть...

«О! – Надежда боялась сказать вслух, но возликовала. – Кажется, заработало!»

– Тридцать восемь... тридцать девять... сорок два пятьдесят шесть...

Тут Надежда заметила в конце аллеи приближающуюся Веру и толкнула инвалида локтем:

– Заканчивайте, я все поняла: сорок два пятьдесят шесть.

Когда Вера подошла достаточно близко, Виталий Андреевич сидел истуканом, как прежде. Вот интересно, подумала Надежда, стало быть, он кое-что понимает? Отчего же тогда изъясняется исключительно цифрами?

Так или иначе, теперь следовало подумать, что могут значить эти самые цифры. Кивнув Вере, Надежда побрела по аллее нога за ногу. Сорок два пятьдесят шесть... Это не время, не дата, так что же? Номер автомобиля? Так он вроде трехзначный. Номер телефона тоже не подходит. Нет, не догадаться...

А курточка-то у инвалида дешевенькая, на рынке небось куплена. И это при том, что ботинки хоть и далеко не новые, но хорошей итальянской фирмы и брюки вполне приличного качества. Стало быть, раньше человек был небедный, а теперь вот напяливает что дают и не выделяется. Ох, не дай Бог в такую беду попасть...

Путь Надежды пролегал мимо зоомагазина, на стене которого висела отпечатанная на принтере листовка. В глаза бросалась фотография очень красивого серого кота чрезвычайной пушистости. Надежда невольно залюбовалась им, после чего прочла помещенный под фотографией текст. Крупные буквы сообщали, что кот пропал и хозяева просят немедленно сообщить, если кто-нибудь его увидит. Ниже был напечатан телефон безутешных котовладельцев.

Надежда искренне посочувствовала им и отправилась дальше по своим делам.

На обратном пути она решила срезать дорогу и пройти через двор. Но едва она туда свернула, как услышала доносящийся из-за кирпичного гаража захлебывающийся истеричный лай. Пройдя еще несколько шагов и обогнув гараж, Надежда увидела следующую душераздирающую картину.

В нескольких шагах от гаража стоял выброшенный кем-то старый холодильник с отломанной дверцей. На этом холодильнике, как капитан Кук, окруженный дикарями, сидел симпатичный серый котик, а вокруг с оглушительным лаем металась мелкая кудлатая собачонка. Нормальный уличный кот с такой собакой справился бы, что называется, одной левой лапой, но тот кот, который сидел на холодильнике, явно не имел боевого опыта и только жалобно мяукал.

Надежда, как котовладелица с большим стажем, не стала разбираться, кто прав, а кто виноват в этом межэтническом конфликте. Она сразу и безоговорочно встала на сторону кота, подобрала какую-то палку и замахнулась на противную шавку:

– А ну, пошла отсюда! Пошла прочь, кому говорю!

Собачонка тут же поджала хвост и убежала за гараж, напоследок пролаяв что-то оскорбительное.

Кот неожиданно прыгнул с холодильника напрямик на руки Надежде, прижался к ней и благодарно заурчал.

– Это очень мило, – проговорила смущенная и растроганная Надежда, – ты очень симпатичный, но дело в том, что у меня уже есть кот, и я думаю, он будет очень недоволен, если я приведу тебя...

На кота эти аргументы не произвели впечатления. Он ткнулся в подбородок Надежды мокрым носом и громко мурлыкнул.

Надежда пригляделась к нему и поняла, что это тот самый потерянный кот с фотографии.

– Жаль, что я не оторвала бумажку с телефоном твоих хозяев... – проговорила она озабоченно.

Внезапно на дорожке показалась Антонина Васильевна.

– Ой, Надя! – проговорила она удивленно. – Ты что, еще одного котика решила завести?

– Да что вы! Меня Бейсик с ним и на порог не пустит! Я этого кота от собаки отбила, а он, видите, ко мне сразу на руки пошел. Но у него хозяева есть...

– Должно быть, есть – вон он какой чистенький!

– Да точно есть. Я возле зоомагазина объявление видела, его хозяева ищут.

– А тогда я знаю, чей это кот! – оживилась Антонина Васильевна. – Это Катин из сорок второго дома.

– Из какого? – машинально переспросила Надежда Николаевна.

– Да из сорок второго, это который по другую сторону улицы.

– Надо же, как он далеко убежал...

– Да что ты, коты иной раз на другой конец города убегают. Я когда сюда из Дачного переехала... впрочем, о чем это я? Надо Кате позвонить, она небось переживает, места себе не находит.

– Ох, жалко, я телефон не оторвала... придется к магазину вернуться...

– Ничего не придется. Я оторвала, на всякий случай.

Антонина Васильевна достала из кошелька бумажную полоску с номером, а из кармана – мобильный телефон, потыкала в него пальцем и, услышав ответ, проговорила:

– Катя, здравствуй. Как кто? Это я, Антонина Васильевна. Ну да, она самая. Не о том речь! У тебя ведь котик потерялся? Ну, так мы его нашли. Ну да, нашли. Мы с приятельницей моей. Да мы сейчас его тебе принесем. У тебя какая квартира? Пятьдесят шестая? Ну, мы через пять минут будем!

Спрятав телефон в карман, Антонина Васильевна повернулась к Надежде:

– Уж так она рада! Пошли, что ли?

– Может, вы сами его отнесете? – протянула Надежда. – У меня еще дел много...

– Сама? Не знаю, пойдет ли он ко мне... смотри, как к тебе прижался!

Действительно, кот вцепился в Надежду и не собирался ни на кого ее менять.

– Ладно, придется уж вместе... – вздохнула Надежда. – Какая, вы говорите, у нее квартира?

– Пятьдесят шестая. Дом сорок два, квартира пятьдесят шесть. Да что с тобой, Надя?

Надежда замерла, как будто увидела привидение.

Сорок два пятьдесят шесть... те самые цифры, которые последний раз повторял Виталий Андреевич... А она-то ломала себе голову, что это за цифры.

Но как странно. Первый раз цифры оказались связаны с ограблением ювелирного магазина, второй раз – с нападением на турфирму, а третий – с пропажей кота... Мелковато. Тем более что и кот нашелся. Нет, что-то здесь не так...

– Ну ладно, пойдемте! – проговорила Надежда, сбросив с себя оцепенение.

Они перешли улицу, подошли к длинному кирпичному дому, нашли нужный подъезд.

Катя, хозяйка кота, уже ждала их на пороге квартиры. Это была приятная, немного полноватая женщина средних лет. Увидев своего любимца, она бросилась навстречу, радостно причитая:

– Вася, Васенька, дорогой, нашелся! Слава богу, я уж не знала, что и делать! Места себе не находила!

Кот, однако, не спешил покидать Надежду. Он сидел у нее на руках и шипел на хозяйку.

– Вася, да что с тобой! Это же я, твоя мама! Ты что, не узнаешь меня?

Вася для порядка еще немного пошипел, но потом все же соизволил перебраться на руки к хозяйке.

– Как ты похудел-то! Как осунулся! – приговаривала Катя, прижимая его к груди. – Ну, мама тебя сейчас накормит! Даст тебе твои любимые консервы из кролика...

Тут она вспомнила о тех, кому обязана воссоединением со своим любимцем.

– Спасибо вам! – проговорила она, переводя взгляд с Надежды на Антонину Васильевну. – Прямо не знаю, как вас благодарить. Если бы не вы...

– Да не за что! – отмахнулась Надежда. – У меня у самой кот, я представляю, как вы переживали...

– Заходите, хоть чаю попьем!

Надежда хотела было сказать, что торопится, но тут вспомнила о загадочных цифрах и согласилась:

– Чаю можно. Что-то во рту пересохло.

Она надеялась под предлогом чаепития осмотреться в Катиной квартире и попытаться понять, что в ней произошло и почему эта квартира оказалась в одном ряду с ювелирным магазином и турфирмой «Колумб».

Через пять минут три женщины сидели на уютной Катиной кухне, перед ними стояли чашки с горячим чаем, вазочка с брусничным вареньем и корзинка с домашним печеньем.

Виновник событий тут же, только внизу, расправлялся с двойной порцией кошачьих консервов.

– Надя его у собаки отбила! – сообщила Антонина Васильевна, кладя в рот половинку печенья.

Катя схватилась за сердце, представив своего изнеженного питомца в зубах ирландского волкодава или огромного неаполитанского мастифа.

– Ну, у собаки – это громко сказано! – скромно возразила Надежда. – Это была маленькая собачонка... не больше болонки...

– Все равно, собака – она и есть собака! – не сдавалась Антонина Васильевна. – Хотя некоторые коты от целой стаи бродячих собак могут отбиться!

– Он у меня такой беспомощный, такой домашний! – ворковала Катя, любуясь своим любимцем. – Он не то что собак – мышь один раз увидел, так натурально в обморок упал!

– А если он такой домашний, как же он убежал-то? – спросила Надежда, чтобы перевести разговор в интересующую ее сторону.

До сих пор она не заметила в Катиной квартире ничего особенного – самая обычная двухкомнатная квартирка, небольшая, очень скромно обставленная.

– Так понимаете, Надя... – протянула хозяйка, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. – Тут пришли какие-то странные люди, и суета началась, он и выскочил...

– Странные люди? – заинтересованно переспросила Надежда. – Что за странные люди?

– Они ко мне в дверь позвонили, сказали, что опрос проводят. Только потом я соседей спрашивала – так они, кроме меня, больше ни к кому не заходили.

– А как они в дом прошли? У вас же, я видела, домофон внизу стоит.

– То-то и оно! Я потому и открыла, что они уже у двери в квартиру стояли. Я подумала, раз в подъезд вошли, значит, свои, может, соседи. А когда уж открыла, их никак не выпроводить было. Вот из-за них-то и Васенька убежал...

– Никаких подозрительных людей в квартиру пускать не надо! – наставительно проговорила Антонина Васильевна.

– Ну, я же не знала... Они бумаги какие-то показали, сказали, опрос по поводу мобильной связи. Опять же, женщины. Велели мне в каком-то списке расписаться. Я и растерялась, стала подписывать. А пока одна со мной разговаривала, вторая в коридор протиснулась – можно, говорит, в туалет? Ну, как не разрешить?

– Наверняка это воровки были! – авторитетно заявила Антонина Васильевна. – Или, может, мошенницы.

– Я уж тоже потом так подумала, – призналась Катя. – Но в самый-то момент растерялась...

– Пропало у вас что-нибудь? – осведомилась Надежда.

– Да нет, вроде ничего не пропало... – протянула Катерина.

– Это тебе повезло, – авторитетно проговорила Антонина Васильевна. – Однозначно это мошенницы были. Видно, их кто-то спугнул раньше времени.

– Да у меня особо и красть-то нечего.

– Не скажи, Катя! В любом доме найдется, что украсть. Иной раз и сама не знаешь.

– Ой, а я же забыла вас чем угостить... – спохватилась Катя. – У меня же кизиловое варенье есть, очень вкусное. Мне двоюродная племянница из Молдавии привезла.

– Да что вы, Катя, не утруждайтесь, и так все хорошо... – попыталась остановить ее Надежда, но Катя уже придвинула к шкафу табуретку, взобралась на нее и сняла со шкафа литровую банку с оранжево-золотистым вареньем.

– Вот оно, какой уж тут труд!

Катя хотела было слезть с табурета, но отчего-то задержалась.

Любопытная Надежда задрала голову. На шкафу стояли, должно быть, не самые нужные вещи, точнее, вещи, которыми хозяйка редко пользовалась, – медная ступка с пестиком, старинная сечка с ручкой из темного дерева, кофейная мельница с фарфоровыми накладками по бокам и турка для кофе с чеканными узорами.

– Да где же она?... – протянула Катя, разглядывая эти предметы.

– Что-то пропало? – насторожилась Надежда.

– Да так, ерунда... – Катя, наморщив лоб, слезла с табурета и снова пробормотала себе под нос: – Куда же она могла запропаститься?... Я же ее точно никуда не перекладывала.

– Что у вас пропало? – не сдавалась Надежда.

– Да так, ерунда... – отмахнулась Катя. – Вы вот варенье попробуйте, очень оно вкусное.

Она открыла банку, выложила ее содержимое в фарфоровую вазочку. Кухня сразу наполнилась душистым ягодным ароматом.

– Угощайтесь!

– Так все-таки, что у вас пропало? – повторила Надежда, зачерпнув ложечку варенья.

– Да капустаница...

– Что? – переспросила Надежда. – Какая еще капустаница?

Ей представилась порхающая над огородной грядкой бледно-желтая бабочка. Хотя вряд ли Катя говорила о ней.

– Да это бабушка моя так ее называла. От нее она мне и досталась. Бабушка моя в деревне жила, а когда померла, соседи сказали забрать все, что нужно. Я тогда и сечку взяла, и мельницу кофейную, и эту... капустаницу. Очень удобная штукавина в качестве гнета, если капусту квасить или, там, грибы солить. Тяжелая и как раз по размеру бачка. У меня и бачок такой есть, эмалированный, тоже от бабушки остался, так вот эта штукавина как раз по его размеру. Железная вроде... Только я теперь капусту редко квашу... Куда она подевалась? Я ведь ее точно видела...

– Капусту накрывать деревянная доска нужна, – со знанием дела вступила в разговор Антонина Васильевна. – А уже на деревянную доску можно железяку класть для тяжести или булыжник. А если прямо на капусту железяку положить, так она заржавеет, и капуста закиснет, ее есть нельзя будет.

– То-то и оно, что эта капустаница не ржавела и не зеленела, как медь. Поэтому удобно было.

– Наверное, сплав какой-нибудь, не подверженный коррозии! – прокомментировала образованная Надежда. – Так вы говорите, Катя, что эта штука там лежала, на шкафу? Так, может быть, это те мошенники ее украли, которые к вам приходили, когда Вася пропал? Вы туда после них не заглядывали?

– Да зачем же она им понадобилась? – Катя пожала плечами. – Никакого от нее толку, если только капусту квасить... да только капусту сейчас мало кто квасит...

– Так они, может, на металл ее сдали? – предположила Антонина Васильевна. – Вон, у сваты моей на даче бомжи все провода срезали и на металл сдали. Они месяц без света жили, пока новые провода не протянули.

– Так то бомжи, – недоверчиво протянула Катя. – Они чего только не крадут... А тут в квартиру пролезть из-за какой-то железной блямбы... непонятно как-то.

– А как эта капустаница выглядела? – спросила Надежда.

– Да как? Круглая такая штуковина вроде большой железной тарелки или крышки от кастрюли, только тяжелее и толще и без ручки. Где у крышки ручка, там у капустницы углубление было. И еще несколько углублений, в других местах. И буквы какие-то по краю...

– Буквы? – переспросила Надежда. – Какие буквы?

– А я знаю? – Катя снова пожала плечами. – Незнакомые какие-то буквы, непонятные. Иностранные вроде... Куда же все-таки она подевалась? Ума не приложу.

Кот Василий доел корм, запрыгнул к хозяйке на колени и громко замурлыкал.

– Ну вот, хорошо, признал меня наконец! – умилилась Катерина.

– Ну, нам, наверное, пора уже идти... – спохватилась Надежда, поднимаясь из-за стола. – Мы вас, Катя, и так отвлекли. У вас наверняка дел много...

– Да какие у меня дела! Но раз уж собрались, задерживать вас не буду. Еще раз большое спасибо вам за Васеньку!

По дороге домой Антонина Васильевна громко возмущалась тем, какие бессовестные мошенники расплодились в наше время.

– Надо же, не погнушались какую-то крышку украсть! Этак из-за копейки убьют! Не иначе, наркоманы...

А Надежда Николаевна пыталась понять, как странная кража в Катиной квартире связана с ограблением ювелирного магазина и с нападением вандалов на офис турфирмы. И какое отношение эти истории имеют к несчастному инвалиду Виталию Андреевичу?

Во всяком случае, списать все три случая на простое совпадение она не могла – в институте Надежда проходила теорию вероятности и хотя помнила далеко не все из институтского курса, но понимала, что вероятность такого тройного совпадения не больше, чем вероятность главного выигрыша в лотерее.

– Синьор Страпарелли! Кажется, так вас зовут? Извольте объяснить, что вы здесь делаете? – Господин с бледным, одутловатым лицом и длинными обвислыми усами стоял в дверях своей каюты и пристально смотрел на палубного пассажира, который ползал на четвереньках перед койкой.

– Я ищу свою трубку, – отозвался тот и тут же с победным видом вытащил из-под кровати и показал турецкую курительную трубку с длинным янтарным мундштуком. – Да вот же она! Закадилась под вашу койку! Эта трубка мне особенно дорога, потому что я выиграл ее в кости у одного злобного янычара...

– А как она вообще оказалась в моей каюте?

– Вы же знаете, сударь, на море всякое бывает, – ответил пассажир без всякого смущения. – Корабль качает на волнах, я уронил трубку на палубе, а она возьми и закатись в вашу каюту!

– Как это возможно, если я запираю каюту?

– Должно быть, на этот раз вы забыли это сделать.

– Во всяком случае, вы уже нашли свою трубку, так что соблаговолите покинуть мою каюту!

– Не будьте же таким букой, синьор Сольди! – Пассажир усмехнулся, но направился к выходу. – На корабле кроме нас с вами нет более порядочных людей, и нам стоит держаться вместе, коли мы не хотим подохнуть от скуки!

– Порядочных людей, вы сказали? – Хозяин каюты высокомерно оглядел своего собеседника. – Ну-ну... честно говоря, я предпочитаю немного поскучать, чем заводить такую сомнительную компанию, тем более что нам осталось плыть не так уж долго!

Трехмачтовая генуэзская каравелла третий день шла из Александрии в Триест. На ее борту был груз табака и кожи, три небольшие пушки, двенадцать человек экипажа и два пас-

сажира – один палубный, представившийся именем Страпарелли, и один каютный, который назвался именем Сольди. Впрочем, вряд ли это было его настоящее имя. Синьор Сольди выглядел весьма загадочно, ни с кем не заводил разговоров и вообще почти не выходил из своей каюты.

Страпарелли же всячески пытался завести знакомство со своим попутчиком и особенно интересовался содержимым его багажа. И вот стоило синьору Сольди ненадолго покинуть каюту, как он застал там наглого попутчика.

Путешествие должно было продолжаться не более недели, однако на море как назло стоял мертвый штиль, и каравелла еле ползла по ленивым полуденным волнам.

Едва Страпарелли вышел из каюты, синьор Сольди закрыл дверь на засов и бросился к тайнику, который соорудил под койкой. Убедившись, что тяжелый кожаный мешок нетронут, он перевел дыхание и перепрятал его.

В это время с капитанского мостика донесся какой-то озабоченный возглас, и матросы тут же забегали как угорелые.

Синьор Сольди вышел из каюты, тщательно запер ее и, ухватив за рукав пробежавшего мимо матроса, спросил:

– Что случилось, любезный? Отчего такая суматоха? Не пираты ли показались на горизонте?

– Отпустите меня, синьор! – Матрос попытался вырваться, когда же понял, что это не удастся, показал свободной рукой на небо: – Какие там пираты! С ними еще можно столкнуться, а тут дело куда хуже. Видите, надвигается шторм! Нужно срочно убрать все паруса!

– Шторм? – переспросил синьор Сольди и посмотрел в указанном направлении.

На его взгляд, небо было чистым и сияющим, как новая монета. Только возле самого горизонта клубилось небольшое, безобидное на вид черное облачко.

При этом он на мгновение ослабил хватку, чем матрос не преминул воспользоваться, пробежал по палубе и, как обезьяна, вскарабкался на мачту.

Остальные моряки уже копошились на реях, спуская обычные паруса и поднимая вместо них штормовые стаксели.

Тем временем облачко, которое только что казалось маленьким и безобидным, стремительно росло и приближалось. Не прошло и часа, как оно заняло половину небосвода. Море, которое только что было прозрачно-бирюзовым, потемнело и покрылось крутыми волнами, увенчанными белыми гребешками пены. Капитан с мостика хриплым сорванным голосом отдавал отрывистые приказы, матросы метались, как черти в аду, выполняя их, как будто от этого зависели их жизни. Впрочем, так оно, несомненно, и было.

Прошло еще немного времени – и шторм всей своей мощью обрушился на злосчастную каравеллу. Казалось, море и небо поменялись местами, перемешавшись в темную кипящую массу, как варево в котле адского повара. Корабль то взлетал на водяные горы, едва не касаясь низких облаков, то проваливался в черную бездну. Одного из матросов уже смыло волной за борт. Рулевого привязали к штурвалу, чтобы он мог делать свою работу. Впрочем, в этом было немного смысла, потому что корабль не слушался руля.

Он несся в неизвестном направлении, подхваченный безжалостной стихией.

Синьор Сольди столкнулся с помощником капитана и спросил его дрожащим от ужаса голосом, есть ли у них хоть малейшая надежда на спасение.

– Все в руке Божьей! – ответил тот и бросился к капитанскому мостику. Но не добежал до него – огромная волна перевалилась через борт и смахнула моряка в бездну.

Синьор Сольди, держась за леера, вернулся в свою каюту и принялся горячо молиться.

В это время раздался страшный, оглушительный треск, и корабль накренился.

Синьор Сольди снова выскочил на палубу.

Прямо на него бежал огромный рыжий матрос с расширенными от ужаса глазами.

– Что случилось?

– Беда, господин! Мы налетели на риф! Корабль погиб! Еще немного – и он развалится на части!

– Что же делать?

– Мы спускаем шлюпку. Это наш единственный шанс. Пока не поздно, бегите к корме, синьор, в шлюпке хватит места на всех! На всех, кто еще остался в живых!

Синьор Сольди взгляделся в клокочущий сумрак. Вся уцелевшая команда собралась на корме, там уже спустили шлюпку, и матросы один за другим перебирались в нее по штормовому трапу. Капитан увидел пассажира и крикнул ему:

– Сюда, скорее, сюда! Корабль вот-вот развалится! Скорее, время дорого!

– А где Страпарелли?

– Не знаю, наверняка погиб. Да спускайтесь же, если не хотите разделить его судьбу!

– Сейчас, одну минуту!

– У нас нет ни минуты! Прыгайте тотчас же в шлюпку, если вам дорога жизнь!

Тем не менее синьор Сольди бросился в свою каюту, вытащил из тайника заветный кожаный мешок и, закинув его на плечо, выбежал на палубу.

Однако, когда он вернулся на корму, шлюпка уже раскачивалась на волнах в сотне ярдов от корабля. Синьор Сольди застонал от отчаяния.

И тут он увидел, как особенно большая волна подняла шлюпку чуть не к самому небу, перевернула ее и тут же обрушила в водяную яму. На мгновение над волнами мелькнула голова рыжего матроса и тут же исчезла в пучине.

В то же время раздался оглушительный грохот и страшный треск, и корабль накренился сильнее прежнего.

На следующий день позвонила мать и велела срочно привезти ей соковыжималку, которую сама же и навязала прошлой осенью. Надежда этим прибором не пользовалась, но с матерью спорить себе дороже. Так что соковыжималку она отдала обратно с радостью. Мать, как обычно, куда-то торопилась, поэтому они наскоро попили чайку и Надежда отправилась домой. Вышла из маршрутки на две остановки раньше, чтобы пройти пешком, поскольку погода благоприятствовала. Солнце светило на всю катушку, небо было ярко-голубого цвета, на газонах пробивались желтые цветы мать-и-мачехи.

Внезапно на другой стороне улицы Надежда увидела яркую светящуюся вывеску: «Турфирма Колумб. Романтика дальних странствий».

«Это судьба! – подумала Надежда. – Раз уж я оказалась рядом с этой турфирмой, надо зайти в нее на разведку...»

Она перешла дорогу, толкнула стеклянную дверь и вошла в просторный холл.

Холл, видимо, как и весь офис турфирмы, был отделан яркими пластиковыми панелями, все предметы мебели и детали оформления тоже были ослепительно яркими. На оранжевых диванах лежали бирюзовые подушки, ярко-розовые стены украшали абстрактные картины фантастически ярких тонов, были среди них и другие картины, более привычные для человека традиционных вкусов – с каравеллами, бороздящими просторы моря или причаливающими к тропическим островам.

Стойку администратора покрывали широкие извилистые полосы розового, пурпурного и фиолетового цветов. На этой же стойке стояла просторная клетка, в которой сидел огромный попугай в красно-сине-зеленом оперении.

Должно быть, такое яркое оформление должно было ненавязчиво навести клиента на мысль, что в этой турфирме его ждут ослепительно яркие, незабываемые впечатления.

Надежда Николаевна подумала, что, пожалуй, только попугаю подходит яркое оперение, в остальном такие ослепительные цвета утомляют. Еще она подумала, что в офисе не осталось и следа от погрома, учиненного экологическими террористами. Наверняка руководству фирмы

пришлось потратить немалые деньги, чтобы так быстро и качественно все отремонтировать. В воздухе еще чувствовался легкий запах свежей краски.

Третья же ее мысль сводилась к тому, что от таких ярких цветов сотрудники фирмы могут со временем ослепнуть или заработать нервное расстройство.

Впрочем, на данный момент единственным, кого можно было отнести к сотрудникам фирмы, оказался попугай на стойке. Уж не он ли работает здесь дежурным администратором?

Надежда подошла к стойке и приветливо обратилась к попугаю:

– Здравствуй! Ты здесь за старшего?

Попугай распушил перья, прочистил горло и хриплым пиратским голосом выкрикнул:

– Пр-ривет! Добр-ро пожаловать! Пиаст-ры, пиаст-ры!

– Ну, это довольно прямолинейно! – усмехнулась Надежда.

В это мгновение из-за стойки появилась симпатичная девушка с огненно-рыжими волосами, перехваченными широкой зеленой лентой, и в бирюзовой блузке в крупный оранжевый горох.

– Здравствуйте! – проговорила она слегка задумчивым голосом. – Извините, я лак для ногтей уронила...

Надежда невольно покосилась на ее ногти. Они были покрашены во все цвета радуги. Больше того – некоторые цвета в радуге отсутствовали, и Надежда не знала даже их названий.

– Ничего, – ответила она миролюбиво и кивнула на попугая. – Мы пока с ним очень мило побеседовали.

– Его зовут Сильвестр, – сообщила девушка с милой улыбкой. – А меня – Анджелина.

– Необычное имя, – вздохнула Надежда. – Впрочем, в вашей фирме все необычно.

– Так и есть. Скажите, могу я вам чем-нибудь помочь?

– Можете! – Надежда облокотилась на стойку и доверительно проговорила: – Дело в том, что у нас с мужем скоро будет годовщина свадьбы...

– Я вас поздравляю!

– Спасибо! И я хочу сделать ему подарок. Сюрприз. Такой, который он никогда не забудет.

– О, тогда вы обратились как раз по адресу! – Анджелина оживилась. – Наш тур на один из Карибских островов оставит в вашей душе незабываемые воспоминания... ну, и в душе вашего супруга...

– Я на это очень надеюсь! – подхватила Надежда. – Мне хочется вырваться из серых будней, хочется кардинально сменить обстановку, набраться новых впечатлений...

– Именно это мы вам предложим! – радостно воскликнула девушка. – Карибские острова – это рай на земле! Мартиника и Доминика, Сент-Люсия и Кюрасао, Санта-Крус и Гранада, Антигуа и Тортуга, Барбадос и Тринидад...

Девушка сыпала экзотическими названиями, и от одних этих названий у Надежды закружилась голова.

– Пальмовые рощи и белоснежные песчаные пляжи... – продолжала Анджелина завораживающим голосом. – Вечнозеленые тропические леса и потрясающие виды... развалины древних храмов, прячущиеся среди джунглей... ласковый шепот волн и шорох пальм под ветром... вам нужно только выбрать одно из наших направлений – все остальное мы берем на себя!

– Выбрать? – повторила за ней Надежда. – Выбор – это большая проблема...

– С этим я вам тоже могу помочь! Скажем, Гранада...

– Гранада? – переспросила Надежда. – Но ведь это же старинный город в Испании.

– И одноименный остров в Карибском море! Гранада – один из самых больших и живописных островов, здесь вы найдете прекрасные отели с собственными песчаными пляжами, идеальные условия для дайвинга и снорклинга...

– Для чего? – удивленно переспросила Надежда.

Про дайвинг она еще слышала и знала, что это такое, но второе слово поставило ее в тупик.

– Снорклинг – это подводное плавание без акваланга, – мгновенно ответила ей девушка, которой наверняка часто приходилось давать такое пояснение. – То есть плавание под водой только с маской и дыхательной трубкой. По сравнению с дайвингом снорклинг дает вам большее чувство свободы.

– Ах, вот как! – смущенно проговорила Надежда. – Но, вы знаете, я никогда...

– Все можно когда-нибудь попробовать впервые! – заверила ее Анджелина. – Главное – решиться, а там на месте, под руководством опытных инструкторов, вы легко освоите основы снорклинга... вы не представляете, какое это удовольствие – плыть среди коралловых рифов, любуясь пышной подводной растительностью и удивительными тропическими рыбами...

Надежда уже вполуха слушала соблазнительные речи Анджелины. Она разглядывала яркий рекламный календарь, который висел у нее за спиной. На этом календаре был снимок, сделанный в этом же офисе. На снимке стояли, улыбаясь, сотрудники фирмы в яркой униформе. Среди них Надежда без труда узнала свою сегодняшнюю собеседницу.

Яркая стена на заднем плане была украшена несколькими картинами, между которыми висел блестящий металлический предмет, что-то вроде серебряного или свинцового круга с нанесенными на него буквами. Конечно, буквы были слишком мелкими, чтобы можно было их прочесть, но сам предмет заинтересовал Надежду. Он что-то ей напоминал...

Надежда нашла на стене то место, которое было изображено на фотографии. Картины присутствовали и висели на тех же самых местах, но круглого металлического предмета рядом с ними не было.

Анджелина все еще разливалась соловьем, расхваливая красоты и прелести тропического рая.

– Все это замечательно, – проговорила наконец Надежда, – но сколько примерно будет стоить десять дней такого рая на двоих?

– Ну, это будет зависеть от многого... какой номер вы выберете, какой предпочтете класс обслуживания...

– Но все же, хотя бы приблизительно?

Анджелина посмотрела на потолок и произнесла довольно значительную сумму.

– Однако! – Надежда поперхнулась.

– Ну, мы можем поговорить о скидках... о различных вариантах оплаты...

– Простите, – перебила ее Надежда, – а что это такое на этой фотографии?

– Где? – переспросила Анджелина.

– Вот, вот это! – Надежда показала на металлический кружок на фотографии.

– Ах, это... – Девушка посмотрела на календарь, потом перевела взгляд на стену. – Это квадрант... или сектант... в общем, какое-то старинное морское устройство...

– Может быть, не сектант, а секстант? – уточнила Надежда, которая имела некоторое, хотя и неполное представление о морских измерительных приборах.

– Может быть... – неуверенно протянула Анджелина. – Его Глеб Васильевич где-то раздобыл, наш директор, и велел здесь повесить. У нас ведь турфирма, а этот сектант... или секстант... ну, в общем этот прибор как-то связан с морскими путешествиями. И он очень старинный – может быть, времен Колумба...

– Вообще-то на секстант это не похоже. Секстант, насколько я знаю, треугольный, а этот прибор круглый.

– Ну, тогда я не знаю, что это такое...

Анджелина повернулась к стене и уставилась на то место, где, судя по фотографии, прежде висел металлический диск.

– Странно, его здесь нет... он же всегда висел на этом месте... Куда подевался?

– А это правда, что на вашу фирму недавно напали какие-то экологические террористы?

– Ах, так вы об этом слышали? – Девушка покраснела и невольно оглянулась на дверь у себя за спиной. – Глеб Васильевич не велел об этом говорить, но раз вы слышали... Да, сюда ворвались какие-то хулиганы, забрызгали все зеленой краской... Самое обидное, что наша фирма делает регулярные взносы в фонд сохранения экологии Карибского бассейна. Мы очень ответственно подходим к сохранению дикой природы, поэтому особенно несправедливо...

Чувствовалось, что Анджелина заученно повторяет чужие слова. Скорее всего того самого Глеба Васильевича.

– И ремонт очень дорого стоил, – добавила она со вздохом.

– Сочувствую вам! Тогда понятно, почему ваши туры такие дорогие! А вы, случайно, не обратили внимания, этот морской прибор, который висел на стене, пропал раньше нападения экологических террористов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.